

ИННА ФИДЯНИНА-ЗУБКОВА

Маша в хрущёвскую оттепель

РАССКАЗ ПРО МАШУ, ИННУ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Инна Фидянина-Зубкова

**Маша в хрущёвскую
оттепель. Рассказ про Машу,
Инну и другие истории**

«Издательские решения»

Фидянина-Зубкова И.

Маша в хрущёвскую оттепель. Рассказ про Машу, Инну и другие истории / И. Фидянина-Зубкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745973-4

Долго ли, коротко ли росла Маша, наконец, доросла до школы. Всё ей там нравилось: и шторы бархатные, и стены в плакатах, и учительница нарядная. Даже сосед по парте Васька. Давно она его знала, да только рядом не сидела ни разу. А тут как уселась и всё! Влюбилась наша Маша. И Васю в гости позвала чай пить из самовара старого, любимого, цветастого. А Вася взял и согласился погостить. Вот идут они с Машей по деревне, а слухи впереди самовара бегут: «Жених и невеста, тили-тили-тесто!»

ISBN 978-5-44-745973-4

© Фидянина-Зубкова И.

© Издательские решения

Содержание

Маша и самовар	6
Подарок Карачуна	6
Сон Маши: как дед её в лес увозил	9
О том как Маша родному деду отомстила	10
Как Маша самовар разукрашивала	11
Маша влюбилась	12
Маша и болотные сапоги	13
Как Маша баянному делу училась	15
Как Маша дружбу водила	16
Как Маша на квас перешла	18
Маша и родители	19
Иннчик-Сахалинчик	20
Бабушка и мама	21
Отец	23
Пуп земли	24
Русская печка	25
Как отец меня в сугробе утопил	26
Бани	27
Бабка шла, шла, шла	28
Сахалин – вторые Сочи	29
Свиристелка	30
Демонстрации	31
Свинка	32
Зайкин хлеб и чага	33
Летняя кухня – теремок	34
Детский автомобиль	35
Золотая рыбка	36
Зимняя рыбалка – лялечек не жалко	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маша в хрущёвскую оттепель Рассказ про Машу, Инну и другие истории

Инна Фидянина-Зубкова

© Инна Фидянина-Зубкова, 2019

ISBN 978-5-4474-5973-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маша и самовар или «Маша в хрущёвскую оттепель»

Подарок Карачуна

Эта история началась тогда, когда Маша залезла в старый дедушкин сундук. А в сундуке том сокровища так и блестили, так и блестили, глаза детские слепили старинными ёлочными игрушками! Обрадовалась Маша, оделась и во двор – соседние ёлочки наряжать. Бегает туда-сюда: хватать две игрушечки и до ёлки, хватать две игрушечки и до ёлки... Но счастье длилось недолго, выросли из-под земли мама, папа, дед, бабушка и застучали свою дочку-внучку за этим занятием. Встали в кружочек у красиво наряженной ёлочки, руками всплёскивают, головами качают, ай-я-яйкают и пальчиками грозят:

– Ты зачем игрушки у деда украла,
может, мама тебе их не покупала?
Или папа не хлопал по попе?
Вот девушку и прохлопали:
проглядели, не уследили!
Как-то не так растили?
И куда же ты, погремушечки волочёшь?
Потом в дом бежишь и ещё берёшь.
Ой не нравится деду эта затея!
и бабушка ложкой огреет.
А на дворе зима и гуляешь ты долго.

Маша доходчиво попыталась объяснить родственникам, что события текут в правильном русле:

– Не понимаете, это на ёлку!
Наряжаю зелёную я красиво,
деду с бабой на диво.
Удивить хотела маму и тятку,
хоровод устроим на святки.

А родственники никак не унимаются:

– Да не святки, Маша, начинаются,
а февраль на дворе кончается.
Уж к масленице б и наряжала.

Зарыдала маленькая:
– Я не знала!

Родня понемногу начала остывать:

– Ладно, деду шепнём,

мол, внучка у нас не воровка,
он погладит тебя по головке.
А бабушка напечёт оладий
и родителям скажет:
дочка у вас, на зависть, хорошая;
тащит, правда, чего не положено!

Сильно обиделась Маша на незаслуженные насмешки взрослого населения планеты, насупилась, отдала деду игрушки, которые в руках держала и пошла в избу. Уселась у наблюдательного пункта – окошка закопчённого. И принялась диверсионно подглядывать за дальнейшими действиями врагов. Смотрит на них и диву даётся:

– А пошто они трясущимися руками мои игрушки с ёлки снимают? Ну дед с бабой – ладно, старенькие уже! А мать с отцом? Ку-ку что ли! – и в окно родне пригрозила своим малюсеньким кулачком. – Уйду я от вас, плохие вы!

И решила девонька навсегда из дому уйти. Долго она думала и надумала в лес пойти, в теремочке жить со зверюшками разными, уж очень она любила сказочку «Теремок». Дождь лас, когда родители на работу уйдут (а дед с бабушкой далеко: своей хате чаи гоняют да по хозяйству возятся). Хорошо собралась Маша: надела шапку ушанку, шубу, валенки на калошах, корзину взяла большую и пошла.

Шла, шла да и заблудилась. Заблудилась, плачет! А вокруг ёлки, ели, снег и снежинки. Холодно! Вдруг, откуда ни возмись, подходит к ней злой дух зимы Карачун и спрашивает:

– Чего, красавица, плачешь?

Испугалась Маша грозного облика Карачуна. А ещё больше испугалась рассказывать ему всю эту историю про свою родню и те игрушки заветные. И соврала:

– Заблудилась я, дедушка, а ведь дел то совсем ничего было: пошла в лес по грибы да по ягоды.

– Кто ж по грибы зимой ходит, дурочка?

Оглянулась Маша по сторонам, пожала плечами:

– Не знаю кто ходит, я, наверное.

– Ну и чего ты хочешь теперь: домой или грибов?

– И грибов, и ягод, а потом домой, я ведь девушка запасливая!

Вздохнул Карачун, развёл руками и исчез. И вдруг всё вокруг преобразилось: снега растаяли, деревья зазеленели, поляна травой проросла. А на полянке самовар стоит, боками глянцевыми блестит. Маша распарилась от жары, одежду поскидывала, развеселилась, раздула самовар, села на травку, чай пьёт. А самовар весь баранками утыкан мягкими, поджаристыми. Хорошо стало Маше, тепло. Напилась она, наелась, встала, оглянулась: грибов вокруг полно, и красной ягодой мурава утыкана. Набрала Машенька полную корзину и того, и другого.

Домой пошла, самовар подмышку прихватила, да и шубку с валенками не забыла. Идёт домой, песни поёт. Своя ноша не тянет. И тропинка как-то сразу нашлась. Вон он, дом родной! А дома люд больной: все ревут да плачут.

– Чего слёзы льёте? – спрашивает девонька родных.

Родня слёзы лить перестала, все кинулись масенькую обнимать, целовать, приговаривать:

– Донюшка наша миленькая, доченька наша любименькая, мы же тебя полгода назад схоронили, где ты была, ненаглядная наша?

– Да я, вроде, вчера по грибы, по ягоды в лес пошла. Февраль был, тринадцатое число.

– Ах ты, дурочка, кто ж в феврале грибы, ягоды собирает? – мама и папа сказали.

Ну вот уже и стол накрыли, гостей созвали. Сели все чай пить из самовара нового, с баранками поджаристыми. А дедушка и бабушка у Маши совсем старенькие были, они и сами

не знали чему больше радовались: внучке с войны вернувшейся или самовару новому, медному, блестящему.

Сон Маши: как дед её в лес увозил

Устали дед с бабушкой веселиться, ушли к себе домой, прихватив на радостях новый самовар. А мама уложила дочку спать. Уснула маленькая и приснился ей сон:

Маша, пережив дикий стресс в связи со своим походом в лес, стала кушать впрок и растолстела. Сидит она за столом ест, пьёт чай из нового самовара. А дед нервничает, ходит туда-сюда, психует, ворует баранки со стола и за пазуху их заносит. Наконец, вытащил он Машу из-за стола, одел, обул её, вывел во двор, посадил на сани и повёз в дикий лес. Завёз дед внучку любимую в глубокую чашу, да так там и бросил. Хотел было к ёлочке привязать, но передумал, домой поехал.

Сидела Маша в санях, сидела, замёрзла вся. Хотела кричать, но некому – лес кругом. Вдруг выскакивает волчище и говорит: «Чего глаза пучишь, в брюхо хочешь?»

– Не хочу я в твоё брюхо, противный, отвези меня к папе с мамой!

«Я жрать хочу, а не в санях бегать. Застрелит меня твой батя, как пить дать, застрелит!»

– За дочь не застрелит, а накормит. Дурак ты, волк!

Волк подумал, подумал и как-то странно, но согласился: «Ну ладно, запрягай меня, дочь отцовская!»

Накинула Маша на волчью шею верёвочку и поехали они. Даже дорогу не пришлось показывать, волчище сам её чувствовал. Доволок волк дитя человеческое до дома отеческого и сдал в руки отцу с матерью. Обрадовались родители, обнимают доньку, целуют. А батя как-то недобро на волка всё поглядывает, а потом как закричит:

– Барбос, родной мой!

Волк и бросился на отца. Мать в крик! Глядь, а они не грызутся, а обнимаются. Волк то оказался старым дедовским псом Барбосом, которого наш дедуля лет десять назад в лес отвёз. Тоже, видимо, жрать просил.

На радостях решили больше никогда не пускать Машу и псину во двор к деду, а то ведь мало ли чего? Года длиннее – ум короче. А мама побежала проверить: не увёз ли дед в лес бабушку? А то с него, дурака старого, станется!

О том как Маша родному деду отомстила

Проснувшись Маша в своей постели, потянулась, встала и побежала к столу! Села, съела оставленные для неё на столе горячие оладьи, попила молочко с чайком, вскипячённым в стареньком родительском самоваре. И тут Мария вспомнила всё-всё-всё: и Карачуна, и самовар его, и то, как дед её в лес увозил. Перепутала малышка сон с реальностью, разозлилась! На самовар свой старый недобро так поглядела. Оделась девочка, обулась, выскочила во двор, закричала:

– Барбос, Барбос!

Но нет никакого Барбоса, приснился он ей. Побежала Маша к дому деда.

«Пойду, верну свой самовар себе обратно! – решила внучка и пошла; идёт и думу думает. – Самовар то я заберу, а как же бабушка? Она у меня хорошая, привыкла я у неё чай пить. Бывало, приду в гости, а бабуля на самовар сапог накинет, баранок, блинов на стол вывалит, у деда аж щёки отлетают!»

Рассердилась Машуха пуще прежнего: «Нет, пойду, заберу свой самовар. Хватит дедуле нахлебничать! А мне всё память какая-никакая от дедушки лесного останется!»

И пошла, и забрала, а на бабушкины слёзы даже ни одним глазочком не взглянула! Гордая поставила самовар дома на стол и села чай пить.

Вскоре мать с работы пришла. Дюже ей вся эта история не понравилась, в крик кинулась, дочь внучкой дедовой обозвала, и добавила:

– Вся в деда пошла, забирай свой самовар и уходи к нему жить, глаза мои на тебя глядеть не хотят!

Села Маша на пол и рот раскрыла:

– Это я то, как дед?

– Бегом беги, а то отцу всё расскажу, он тебя выпорет, – утвердительно кивнула мать.

Подхватила Мария свое добро и недолго думая, к дедушкину дому помчалась. А пока мчалась, подумать кое о чём успела: «Снесу-ка я самовар дедушке лесному, отдам ему это бесовское орудие да поругаю старого!»

Но тут деда родного встретила. Тот как увидел свой самовар не на месте стоящим, так на вой изошёл:

– Пошто казённое имущество воруеть, окаянная! Говорил же, воровкой вырастет, так и вышло. А ну на сани садись, в лес повезу!

Оттолкнула Маша задумчиво деда с дороги, в избу вошла и к бабуле кинулась:

– Прости меня, родная моя! Тащи сапог, будем пить чай с баранками, вот... – и протягивает толстую связку баранок.

Бабка закричала, поплелась за сапогом и за ремнём, на всякий случай:

– Эх, Маша, нехорошая ты у нас с дедом выросла!

Как Маша самовар разукрашивала

Так вот, коль Маша деда родного не убила, а самовар блестящий, медный, глянцевый бабушке вернула, так ей и скучно стало. Села она, задумалась и говорит:

– Чего-то самовар у нас совсем неинтересный, может, раскрасим его нарядненько как-нибудь?

Деду эта затея подозрительной показалась:

– Возьмёшь, значит, самовар раскрасить, а сама его опять заныкаешь. Ищи-свищи потом тебя вместе с самоварищей!

Усмехнулась Маша как-то не по-доброму:

– Дедуля, так ведь, я хотела, чтобы ты самовар выкрасил, вроде и некому больше.

– Тятеньку своего попроси, а лучше маменьку, она на краски в детстве спорая была: бывало, задам ей задачку печь побелить, и пяти минут не пройдет, как её уже и след простыл, калитка только шуршит!

Выслушала Маша это, вздохнула:

– Нет, дедуля, видимо, тебе придётся самовар красить. Подожди, кисточки из дома принесу! – пустилась Маша бегом домой за кистями.

А на бегу, подумала: «Кисти есть, а краски самоварной нет!»

Знала Маша, что акварельной краской самовары красить нельзя. / Ответь, почему? /

Надо в магазин бежать. Прибежала Маша в магазин и спрашивает:

– Краски самоварные в наличии имеются?

– Нет таких красок в наличии! – хмыкнула продавщица.

– А где есть?

– В райцентре, наверное.

Вот так! Ну, на этом дело не кончилось. Съездил батя в райцентр, купил красок нарядных, самых что ни на есть самоварных, и заставил деда самовар любимый раскрашивать. Дед самовар расписал, как смог. А что получилось, смотрите сами. Нашей родне очень нравится! Машка же по деревне пошла, подвиги самоварные себе приписывать стала да хвастаться. А мама вечером головой покачала и сказала:

– В нехорошую ты сторону, Мария, к самовару привязалась, вся в деда с бабкой пошла!

Дочь ртом, набитым баранками, что-то бурчала и пила чай из самовара цветастого, расписного, узорчатого. Дед аж горшок устал во двор выносить.

Маша влюбилась

Долго ли, коротко росла Маша, наконец, доросла до школы. И пошла в школу. Всё ей там нравилось: и шторы бархатные, и стены в плакатах, и парты свеженькой краской выкрашенные, и учительница нарядная. Даже сосед по парте Васька сильно Марии нашей понравился, хороший был мальчик – соседский, давно она его знала, да только рядом не сидела ни разу. А тут как уселась и всё! Влюбилась наша Маша, сильно влюбилась, да так влюбилась, что Васю в гости позвала к своим дедушке с бабушкой чай пить из самовара старого, любимого, разными красками разукрашенного, цветастого. А Вася взял и согласился погостить. Вот идут они с Машей по деревне, а слухи впереди самовара бегут: «Жених и невеста тили-тили тесто!»

Но молодым плевать, они так друг другом увлеклись, что не слушая свиста малышни, до бабушкиного дома дошли.

Бабуля руками всплеснула:

– Ба, Машуха, никак, жениха привела!

А Маша Васю уже в хату ведёт, самовар ставит, сапог на самовар вешает, угли раздувает (хозяйшккой себя показать хочет) и говорит строго:

– Дед, где баранки наши любимые?

Дед, глядя на такое дело, руками развёл:

– Ба, Машуха, чай, жениха привела? – и бегом в магазин поскакал, через пять минут вернулся с баранками.

Зато продавщицы до самого закрытия будущую свадьбу обсуждали:

– Полезно, однако, в школу ходить, бабоньки!

Но нам все эти разговоры побоку! Мы чай пьём, баранками закусываем.

– Я решил, пойду космонавтом работать! – говорит Васька.

А Машка отвечает:

– Я вот думаю, надо в класс побольше цветочков принести, всё нарядней будет!

Так прошло часов пять или десять. Напились дети чаю, наелись. По домам пошли провозжать друг друга туда-сюда, туда-сюда. А во дворе темно, прохладно. Ай и ладно!

Маша и болотные сапоги

Пошла Маша в первый класс. И долго уже ходила – месяца полтора. Вот идёт она в свой первый класс вся нарядная такая, а время уже к концу октября, на Маше шапочка, шарфик, пальтишко осеннее, носки шерстяные, сапожки резиновые, в руках портфель тяжёлый с учебниками да тетрадками всякими. Идёт девочка, никого не трогает, к школе подходит. Вдруг шпана из второго класса окликает её, не как обычно по фамилии, а ласково так:

– Мария, иди сюда, мы тут глубину у лужи измеряем!

Непривычно стало Маше, с чего это столько внимания? Подходит ближе, там три шпингалета у обычной придорожной канавы стоят. А Маша то все свои канавы знает, они неглубокие!

– Отвалите, я в школу опаздываю, звонок скоро! – говорит девочка.

Шпингалеты не унимаются:

– погоди, Мария, это какая-то необычная канава, глубокая. Наши сапоги до её дна не достали! Ну измерь глубину, у тебя вон какие сапожищи, намного выше наших!

Маша глядит на свои ноги: сапоги как сапоги, даже ниже мальчуковых. Но ласковость пацанов уж больно на душу хорошо легла.

– Ладно! – говорит она им.

И не выпуская портфель из рук, прёт в канаву своими огромными сапожищами. Но уже через секунду начинает понимать: «Никогда больше на лесь не куплюсь!»

Ушла Маша чуть ли не по горло в эту канаву с вонючей, грязной жижей. Мальчишки её вытащили и сразу куда-то растворились, наверное, на урок. Стоит наша деваха, оглядывается: куда идти – домой или в школу? Дом далеко, школа ближе. Решила идти в школу. Заходит в свой класс:

– Здравсьте вам!

Никто даже хихикать не стал, все рты раззявили, смотрят. А учительница, видимо, в жизни много чего повидавшая, даже нисколько не удивилась, и по-деловому, сухо расспросила Марию о происшествии. Затем вытряхнула её портфель, учебники и тетради на батареях разложила. А саму горе-ученицу отправила переодеваться к тётке Верке, которая в аккурат у той самой канавы жила. Тётя Вера, как ни странно, тоже ничему не удивилась, наверное, жизнь такую же хорошую прожила. Она Машу отмыла кое-как в тазу, передела во всё мальчишеское: её сын хоть и учился в третьем классе, но росточком был мелковат. Так вот, одела она девочку в мальчишеские брюки, рубашку, свитер, пальто клетчатое и сапожища болотные:

– Иди, племяша, померь ещё пару луж!

И любимая тётя Вера отправила Марию в таком нарядище не домой, а в школу! А Маша девушка послушная:

– В школу, так в школу.

О чём горько пожалела. Просидела она все перемены в классе: куда же приличная девочка таком виде высунется? И обирушка её терзала великая: «Как могли эти две взрослые женщины заставить ребёнка позориться в одежде непотребной!»

После уроков Маша до дому не бежала, неслась! А её мама, как ни странно, не оказалась такой же сдержанной женщиной, как тётя Вера и учительница. Нет, мамка целую истерику закатила, как будто что-то страшное в жизни произошло. И разговоров с соседками потом было на целый год. Ну и ладно, надо ж было им в вечерние посиделки о чём-то поговорить. А Маша так и не поняла, по какому поводу мать больше всего материлась: из-за того, что дочка могла утонуть или на двух тёток, опозоривших её малышку?

«На меня матюгалась мамка или на них? На меня или на них? На меня или... На них!» – радостно решила Машуха и побежала в магазин, разглядывать болотные сапожищи.

- Мала ты ещё для них! – фыркнула продавщица.
- Скоро вырасту! – выдохнула Маша.

Как Маша баянному делу училась

Маша росла девушкой деятельной, за все дела сразу хваталась, во всех кружках, секциях перебивала по месяцу, по два. Подходит она как-то к маме и говорит:

– Хочу я, мамулечка, баянному делу обучаться в клубе нашем у худ.рука Потапыча!

Мама поморщилась:

– Машуль, ты же ни в один кружок долго не ходила, а музыкалка ведь платная.

– Ну, мамулечка-красотулечка, я стараться буду и не брошу никогда-никогда, уж больно баян люб сердцу моему!

Усмехнулась мать на слова такие мудрёные да думать ушла. Думали они вместе с отцом недели две, наконец, придумали:

– Дадим дочке шанс!

И пошла Маша в клуб баянное дело изучать у деда Потапыча за отдельную плату, через кассу проведённую. Долго ли, коротко училась Маша, но выучила ноты, кнопочки на баяне запомнила, музицировать научилась совсем простенькую мелодию «Дождик». Но тут одна заковырка образовалась, оказалось, что у Маши нет музыкального слуха.

– Слух баяну не помеха! – сказал Потапыч, он как мог, старался, на пенсию не хотел.

Маша тоже старалась, ведь она слёзно обещала родителям музыкантшей стать.

Прошёл год. Выучила Маша композицию «Дождик» наизусть, без нотной тетради. Сыграла её парадно на сцене клуба перед дедом, бабушкой, матерью и отцом. После этого встала, положила баян на стул, отклонялась низко и сказала:

– Спасибо вам, милые мои, за тепло, за заботу, за деньги заплаченные, но сил моих женских больше нет!

Усмехнулись родственнички на слова такие, заранее предполагаемые и заплотировали. Потом дед поднялся на сцену, покрутил ус да и говорит:

– Пойдем уж, внучка, к самовару любимому, чай пить.

Сдала семья баян худ.руку Потапычу на хранение пожизненное, старик даже не заплакал, лишь перекрестился, и попёрлась вся дружная, честная компания домой чай гонять. Потапыча тоже позвали. Тот шёл и бурчал ласково:

– Не быть тебе, Маша, баянисткой, видимо, в космос полетишь, как Гагарин!

– У меня есть кому летать, – буркнула Маша, вспомнив Ваську своего и побежала жениха к чаю звать.

Ну на том и порешили.

Как Маша дружбу водила

Заскучала наша Машка на каникулах, надоело ей одной по деревне ходить да вечерами с самоваром своим возиться. Есть у неё дружок Васька. Но опять же, какой из него друг, когда любовь такая прёт?

«Нет, надо что-то в жизни менять!» – подумала Маша и пошла в калитку тёти Любы стучаться:

– Тётъ Люб, выдавайте сюда вашу Светку, буду с ней дружить!

– Ну дружить так дружить, – выдала тётя Люба Марии свою Светку, плюнула в огород и пошла грядки полоть.

– Чего хотела? – спросила Светка.

– Да так, ничего, – ответила Машка. – Пойдём на речку, там пацаны рыбу удят.

– Ну пойдём! – обрадовалась Светка, ей в огороде сидеть надоело.

Пришли девушки к реке, а там и правда мальчишки мелочь всякую ловят: карпов да карасей. Но самое главное, среди этой оравы и наш Васятка стоял. Он как свою красавицу увидел, так вцепился в неё и стал рыбачить учить. Но Маша строго ответила:

– Я умею!

И тут девчущечка вспомнила, как она в недавнем детстве рыбачила:

Сидит маленькая Маша с удочкой на берегу. И тут раздаётся голос деда громом с ясного неба:

– Пошла Маша на рыбалку,
и ведь рыбы ей было не жалко.
Живодёркой росла у нас Маша.
По головке гладили: «Наша!»

И голос мамы:

– А Маша ни о чём не жалела.
На стульчик маленький села,
закинула удочку, снасти,
уселась, ждёт карпов мордастых.

Голос папы:

– А карпы нейдут чего-то:
червь нежирный или в болото
Маша удило закинула.
Как бы то ни было,
но поплавок вдруг двинуло!

Голос бабушки:

– Тянет она, а вытащить не может.
Дед родимый поможет!

А Маша им отвечает:

– Хотела покликать деда, да передумала.
И нехорошо так подумала:
нет, утопит меня он в трясине,

чтобы есть не просила!

Я сама! – крикнула Маша. —
Пусть там хоть акула, но наша! —
И потянула резко
натянутую леску.

Тут мама с папой прибежали,
леща большущего достали,
поцеловали Машу:
– Живая и нет её краше!

Смутилась девушка своих воспоминаний и решила заново учиться ловить рыбу. Учил её Васятка ловить рыбу долго, до вечера. Светка поскучала, поскучала одна в сторонке, плюнула в воду и домой пошла. А нашу Марию было кому до дома проводить да половину улова отдать.

На следующий день Маша опять до тёти Любы побежала и стала уже целенаправленно Светку кликать.

– Нет уж, дудки, иди сама к своему Ваське! – ответила Светка, развернулась и поплелась к матери в огород, огурцами хрустеть да из лейки их водищею заливать.

А когда Светка отходила от калитки, то какую-то нехорошую женскую зависть почувствовала Маша в этой уплывающей в огород спинушке.

«Тебе показалось, дочка, – слышала Мария голос с неба. – Маленькие вы ещё обе!»

Ужинала Маша вечером дома одна и думала: «Так что это всё-таки было: детские обиды или женская зависть?»

Думала она, думала, пока у матери не спросила. Мамулька в ответ расхохоталась:

– А ты поди к нашему деду, обними свой самовар и жди, что тебе посудина медная расскажет!

Не обиделась на мать Маша.

«А почему бы и нет?» – подумала, ведь она голос с неба уже слышала.

Закряхтела молодница, вылезла из-за стола и поперлась к деду, самовар обнимать да медную посудину слушать. Шесть часов вечера – чай не ночь.

«Иди, Маша, да не плюй на дорогу, не то лёгких путей тебе не видать!» – предостерег её голос с неба и умолк до поры до времени.

Как Маша на квас перешла

Маша и сама понимала, что ей давно пора слезть с самовара и присесть на что-нибудь другое. И Маша присела на квас! Квас у её бабушки и без того был вкусный. Но тут старая придумала модернизацию: повадилась корки чёрного хлеба в духовке обжаривать, от этого квас делался терпким, коричнево-чёрным, почти как тёмное пиво. Полюбился Машеньке этот квас, к взрослой жизни, видимо, готовилась; стала она его не только сама пить, но ещё и матери в огород носить, отцу в поле, деду в амбар, а бабушке в курятник. Всех замучило дитяtko этим квасом! Из-за этого квас в кадushке быстро заканчивался, и бедной бабулечке приходилось настаивать новый.

А в перерывах между квасными делами, Машуха скучать и не думала. Ведь летом куда ни пойди, везде хорошо! Повадилась она с девочками на качелях кататься: кач-кач-кач... Весело. Девки орут! Пацаны в кустах прячется: смотрят у которой из «баб» платье выше задерётся, наверное, мужиками поскорей стать хотят.

Хороши каникулы в деревне летом! Можно до звёзд ночных гулять, о замужестве мечтать, да женихов делить до драки и дёрганья волос. Ведь каждая хочет замуж выйти непременно за такого, как Юрий Гагарин. Каждая, но не Маша! У нашей девушки уже свой будущий космонавт растёт – Васька.

«Васька! – вспомнила Маша. – Как же так, я всех квасом напоила, кроме Васьки!»

Побежала она, набрала из кадki ядрёненького кваска и понесла его любимому. Принесла:

– На, Вася, пей!

Попил Василь и говорит:

– Мария, а может, лучше чайку? Самовар то у деда твоего поди поспел.

Вот так Маша с кваса и слезла. Вася помог, космонавт будущий всё-таки. Да не просто космонавт, а в самой лучшей стране, которую потом все ругали.

«Плохо нам жилось, плохо!» – говорили.

Маша и родители

Не знала Маша почему ей так плохо живётся в Советском Союзе: деревня как деревня, лес как лес, поле как поле. Но её папа точно знал, что во всём виноват Хрущёв и его политика, направленная на маленькую папину зарплату добросовестного колхозного тракториста. Отец называл Хрущева клоуном, и Маше это почему-то очень нравилось:

– Хрущев клоун!

Она очень любила клоунов. А мама вздыхала и говорила отцу:

– Тебя посадят.

Маша на это смеялась:

– Мамулечка, папка и так сидит на стуле!

– Не посадят, не тридцать седьмой! – кряхтел отец.

Однако же, на людях он никогда не называл Хрущёва клоуном. Впрочем, Маша никогда не забивала голову большой политикой, она коровок любила и молочко. Прибежит бывало к Маме на ферму, погладит бурёнок, попрыгает по бидонам, напьется парного и бегом к деду с бабкой. А с собой бутылъ молока несёт. С чаем вкусно! А в хате самовар любимый ждет, жаром дышит: «Хочу чай с молоком, хочу чай с молоком.»

Машины родители, тоже плохо живущие в СССР, также любили чаи гонять. Дома самовар стоял не такой красивый, как у деда, но кипяток в нём был такой же. Вот сядут мать с отцом у своего самовара, чаю надуются и спорят: до революции лучше жилось или сейчас? Мама любила рассказывать, что её семья зажиточно жила, и если б не семнадцатый год, то они сейчас жили бы богаче.

– Наша фамилия – это не твой босяцкий род! – ухмылялась мать на отца.

Тот пыхтел, как чайник:

– Да что ты знаешь! Когда моего деда раскулачивали, вся деревня рыдала.

«Это батя от зависти так говорит», – вздыхала Маша по-взрослому и шла спать.

Впрочем, такие разговоры дальше хаты не ходили, и дочь не знала почему. Мария весело жила, она была уверена: папка с мамкой, конечно, немножко ку-ку, а у неё самой – самое счастливое советское детство на свете!

Иннчик-Сахалинчик

(Воспоминания о семье и детстве автора. Все имена и фамилии в точности соответствуют реальным людям.)

Иннчик Сахалинчик

Из книги «Сахалинские каторжанки», но адаптировано для детей

Главные герои:

Инна Зубкова – девочка

Валентина Николаевна Зубкова (Горыня) – мама

Иван Вавилович Зубков – папа

Вавила Степанович Зубков – дед

Прасковья (Папа) Никаноровна Зубкова – бабушка

Анатолий Каргаполов – мальчик

Нина и Николай Каргаполовы – друзья семьи

Ирина Бурганова – девочка

Илья и Люся Бургановы – друзья семьи

Антонина Марковна Шарапова – учительница начальных классов

Розыя Ахметовна Ли – учительница русского языка и литературы

Место действия: о. Сахалин, посёлок Мгачи 1970—80 годы

Аннотация: Короткими миниатюрами рассказывается о детстве в СССР на далёком острове Сахалине.

Бабушка и мама

Деревня Поконь, близ Клинцы, голодна Брянщина. Кулачий сын поляк Красновский снарядил резву тройку и помчался по ближайшим деревням – подыскивать себе невесту. Нашёл девку сугубо русскую. Родили они Варвару красу, длинну русую косу. А как Варварушка заневестилась, так и жених ей нашёлся – Колька из древнего рода Горыня. Тем самым наши поляки окончательно обрусели и успокоились. Молодые нарожали трёх детей. Одна из них была моя мама Горыня Валентина Николаевна (9.09.1941).

Началась война. Моего деда Николая забрали на фронт. Выдали форму, ружьё, отправили в первый бой и сказали:

– Беги!

Он и побежал. Упал. Наклонился над ним друг Степан:

– Николай, что с тобой, давай подмогу!

Глухой удар в спину Степана и грозный рык:

– Беги, не останавливайся! Без тебя подберут.

Больше Стёпа не увидел Горыню Колю ни живым, ни мёртвым. Обидно. Да. Погиб солдат не сделав ни единого выстрела.

*

Брянский ЖД вокзал – муравейник, народу тьма-тьмушая. На тюках сидит укутанный в старушечьи платки скелетик.

– Мама, – говорит скелетик вяло. – А куда едут все эти люди?

– Туда же куда и мы, детка, на Сахалин.

Худосочная мать скелетика, сжала в руке заветное письмо старшей дочери. Письмо прилетело с Сахалина, в нём Лида Рякина описывала как она, её муж, брат Володя и его жена Вера сытно живут на острове, работают на шахте Мгачи (а Вера портниха в доме быта), носят дорожные шубы из натурального меха, а весной собирают папоротник в обмен на японские вещи. «Тут как в раю. Оказывается, жизнь есть! Хватай, мать, Вальку и к нам. Вам и квартиру в бараке дадут. Правда, правда!»

Над скелетиком склонился небритый мужик:

– Сколько ей?

– Шестнадцать.

– И куда её везёшь такую?

– В рай! То есть на сытный Сахалин.

Мужик равнодушно ткнул в скелетик пальцем:

– Не довезёшь, сдохнет в дороге, – и неспешно подошёл к кассам.

– Мам, а этот дяденька тоже на остров едет? – промычал скелетик.

Варвара, глотая слёзы, ответила:

– Да, Валентина, да. Куда ж ему ещё ехать? Сейчас все дороги ведут в рай.

*

Скелетик на Сахалине прижился: пошла Валя в школу, картошку с мамкой на сопке сажала, по грибы, по ягоды в лес с подружками бегала, ела кислое варенье (сахар – дефицит). А рыбу даже не ловила: вместе со всеми собирала на берегу идущую на нерест, выброшенную волной корюшку, салакушку, горбушу и кету. В общем, скелетик потихоньку отъедался: наращивал мышцы и жировую прослойку.

А Варвара устроилась на шахту коногоном, но странным таким коногоном: бабы вместо лошадей толкали вагонетки с углём. И мешки с картошкой на сопку и с сопки тоже тягать

приходилось самой. И мешки с рыбой до дома. Валька, конечно, помогала, но дочку сильно не обяжешь: девка должна расти здоровой, ей рожать.

– Рай там, где нас нет, – бурчала Варвара, падая от усталости.

– Нет, мамочка, Сахалин – это самый настоящий рай! Никогда в голодный Брянск не вернусь! Слышишь, никогда.

*

Валя выросла девушкой чернявой-пречернявой, большеносой, тонкогубой с маленькими глубоко посаженными глазами – ну самая что ни на есть исконная рассеянка. И по зову предков начала искать: с кем бы разбавить свою чёрную, горячую Горынинскую кровь? И нашла таки мужичишку – Зубкова Ивана мальчишку. Ивашка был рыжий-прерыжий, конопатый-преконопатый, голубоглазый и всё время хихикал, как дурачок. Всё. Законы жанра соблюдены – можно жениться.

– Свадьбе быть!

Варвара выдала свою младшую дочь замуж и уехала с острова навсегда. Старшая дочь с мужем умотали жить в Ростовскую область, в Новошахтинск и позвали мать к себе, туда где есть фрукты и их можно есть. На Сахалине остался сын Володя с женой и детьми. Ну и конечно же, Валя.

*

Валентина Николаевна работала нянечкой в детских яслях. Но однажды ей надоело устать, и она решила выучиться на какую-нибудь «белоручку». Поступила в Южно-Сахалинский педагогический институт на исторический факультет. Ну и училась себе потихоньку. А потом забеременела мной. Но вот как-то раз экзамены сдавать надумала. И так сильно перенервничала, что родила раньше срока. Институт мать всё-таки закончила, но работать в школу не пошла.

– Эти учителя не успеют дитя родить, как уже сдают двухмесячных младенцев в колыбельную группу, а сами на работу! Заставляют их что ли? – возмущалась мама.

Зато её из нянечек перевели в воспитатели. Потом в старшие воспитатели. А вскоре ясли упразднили в связи с тяжелыми временами, накрывшими всё государство. И баба Валя ушла на пенсию.

Отец

Где-то там, в Сибири, где конкретно – неизвестно, жили кулаки Зубковы. И эка оно обернулось: революция выгнала их аж на Камчатку. Ну там они и продолжили свой род. Началась война 41—45. Ваила Зубков выращивал картошку для фронта, а его супруга Прасковья работала поваром – кормила пахарей и другой честной народ. И было у них три сына: Колька, Сашка и младшенький Иванушка-дурачок (8.06.1937 гр. мой будущий папка). А жили они в селе Ключи, что у подножия вулкана Ключевская сопка (самый высокий активный вулкан в Евразии, 7000 лет).

*

- Пап, а Камчатка – это самое красивое место на земле?
- Да, сынок.
- Пап, а я точно самый баский в семье?
- Баский.
- Пап, а почему Американский хлебушко такой пышный, вкусный, а мамкин липкий и кислый.
- А потому что у неё лисичкин хлеб.
- Как это?
- Мамкин хлеб волшебный, лесной, с травками. Лисичка его печёт и мамке даёт. А тот, что с корабля, так то обычный хлеб. Ну хлеб и хлеб. Пучит от него, да и только.
- Да?
- Вот те и да.
- Пап, а это правда, что на большой земле идёт война с фрицами?
- Правда, сынок.
- А кто такие фрицы?
- Не знаю, но думаю, что это чёрные-пречёрные птицы, кружащие над страной.
- А наш Колька на фронт собрался.
- Да? Беги-ка, Ванечка, до Коляна и скажи, что батя ему ножичек боевой подарит. В дорожку, так сказать.

Покатился Ивашка с горки до хаты, а Ваила поплёлся прутком искать: «Жалко тощу жопу пороть. Но надо!»

*

После войны семья переехала на Сахалин в посёлок Мгачи. Иван Вавилович Зубков окончил школу и пошёл в Александровск-Сахалинский техникум. Хорошо так пошёл: три года ходил пешком по берегу моря 31 км туда и обратно. А чё? Все так ходили. Не напасёшься на вас автобусов, ишь!

А потом Иван устроился электриком на шахте. Мамку на танцульках заприметил. Ну и поженились. Всю жизнь вместе прожили. А хорошо или плохо – пусть сами разбираются.

Пуп земли

В 1970 году мать надумала меня рожать. Нет, обо мне она совсем не думала, она думала о своих институтских экзаменах. И сильно так думала... распереживалась, разнервничалась! Я разнервничалась тоже и решила выскочить из этого ада наружу. Так во Мгачинском роддоме 14 ноября, ближе к полуночи появилась семимесячная девочка весом 1700 грамм.

– Валя, а что это что за синий комочек?

– Это, Ванечка, твоя дочка!

– А это у нас одних комков такой страшный чёрно-синий или они все такие?

– Не знаю, Ванюша, но это не комок, а пуп земли! Ну как ты не видишь?

– А давай-ка этот пуп оставим тут ещё на год-другой, на дорастивание, так сказать. Вот станет пупочком, тогда и заберём.

– Вань, там буран что ли за окном?

– Буран, Валя, буран. Метель непролазная!

– Тогда точно надо ехать домой. Заметёт роддом, никто его не откопает. Умрём мы тут с пупочком твоим... Неси живо пальто, чего рот раззявил!

*

Пуп земли рос довольно быстро, к первому году уже догнал своих сверстников. Ну да, а вы пожрите икру ложками с пелёнок, посмотрю я тогда и на вас! Одно было плохо – орал этот комочек с утра и до ночи. До пяти лет орал.

– Ну что ей спокойно то не живётся? – всплёскивала руками мама.

– А я откуда знаю, может, её всё время пучит! – отвечал отец. – На, доча, съешь рыбку.

Пупочек выплёвывал рыбу и снова орал. После долгих совещаний (пять лет орать, это всё-таки срок), решено было отвезти меня к бабке Дусе – поселковой ведьме. Та долго приглядывалась, принималась, наконец спросила:

– Как кличут этого выродка?

– Пуп земли! – ответили родители хором.

– А нормальное имя дать ребёнку не догадались?

– Да вроде и это нормальное, – развели руками родители.

Но баба Дуся была непреклонна! Пришлось выбирать пупочку другое имя.

– Вань, надо девочку назвать модно.

– Ты уже назвала модно, хватит!

– Нет, Вань, тенденция – это важно. Со мной в роддоме ещё три женщины дочек ждали, так все обещались назвать их Инночками. Модно же! Инна – это что-то космическое... инна-планетянка. Или японское, как инь и янь. Вань, у нас Япония рядом, надо соответствовать, вдруг они остров у нас навсегда отберут. Нас с тобой в печь, конечно. Но хоть ребёнок выживет – за свою сойдёт. Вон она какая смуглая и глазки у неё узкие-узкие.

Отец в ответ долго орал про наше могучее, вооружённое до зубов государство, но всё-таки переименовал своего пупочка в непонятную ему Инну. И Инна заткнулась, окунувшись в долгие раздумия о космосе, дзен-буддизме, да долго косилась на раскосые глаза своего отца и его огненно-рыжую шевелюру.

– Непонятный мир, непонятный! – вздыхала она и шлёпала спать.

Спи, пупочек, тебе его никогда не понять!

Русская печка

Вы когда-нибудь лежали на русской печи? А я – да. У нас дома стояла русская печь, мать её регулярно белила, но один бок у печурки оббит алюминием и выкрашен в чёрный цвет. Долгими зимами я всё детство просидела на корточках спиной к этому боку с книжкой в руках. Поэтому все мои свитера были прожжены. Наша печь-кормилица не имела лежанки, а у соседа деда Зубкова лежанка была. Мы, внуки, на ней валялись, играли, копошились. Я частенько спала там в младенчестве. Моя мамка, бывало, припрётся по хрустящему снежку к родителям мужа с лялькой на руках и говорит бабушке Паше:

– Мам, можно малая у тебя сегодня поспит? Двенадцать градусов в хате, ну совсем житья нет! А на вашей печи она так сладко супонит.

– Ничего не знаю, у нас тоже не больше десяти градусов, а печка занята, там котяра дрыхнет.

– Так сгони кота.

– Ты шо, хочешь, щоб мой кот околел?

– Значит тебе плевать: будет жить твоя родная внучка или умрёт от холода?

– Таки и родная? – бабка открывает конверт, долго с сомнением вглядывается в крохотное личико и не найдя на нём своего огромного носа картошкой, разворачивает мою мать в обратную сторону.

Но моя мамка к таким концертам привыкла! Она отпихивает свекровь, укладывает меня рядом с котом и уходит. А отец потом дивится:

– И как у тебя получается раскрутить старушку с дитём посидеть?

– Никак, кот Васька за нашей Иннкой присмотрит.

– Да ну?

– Не сомневайся! И сказку на ночь расскажет... Идём, Ванюша, спать.

Как отец меня в сугробе утопил

Зимняя дорога, вот мой дом родной, даже у порога снег стоит стеной. Чистит батя тропку, мать печёт пирог, а дочуля топает прямо за порог.

– Ты куда раздетая? «Выйду погулять.»

– Дочек неодетых отец отправит вспять!

Ведут меня одеться в шубу и вперёд:

«Тятенька, приветик!» – снег мы тянем в рот.

– Что мне с ней тут делать, сугробища стеной?

– Мне и дела нету! – мать спешит домой.

Маленькую Инночку садят на сугроб:

– Будь хорошей девочкой, а я пророю ход!

Сидеть в сугробах, знаете, не очень то легко, вокруг всё расплывается, я иду на дно: молча иду, мне нравится, вокруг всё расплывается. Оглянулся отец:

– Нет здесь дони, где юнец?

Вот и откапывай дочь руками, а потом рассказывай маме, какой ты всё-таки дурак. Она скажет:

– Родом так!

И всю родню друг другу припомнят, пока дочка стол ни уронит, большой такой стол, журнальный, чуть было ни поминальный по кошке нашей Марыське. А за окном близко, близко зима неспешно гуляла и звала, звала, и звала.

«Пойдем погуляем, мама!»

– Нет, дочь, раз ты Иванна, то тебе и гулять с отцом. Вань, одевай её!

Бани

На выезде из посёлка стоит общественная баня, в которой были женские и мужские дни. Холл: касса, ларёк с очень вкусными советскими соками, вход в парикмахерскую, вход в раздевалку. В раздевалке деревянные кабинки без ключей, крашенные лавки и досчатые решётки под ногами. Все раздеваются догола и прут в помывочную, там же находится и парилка. Никаких простыней. Ещё чего! Помывочная ужасна: облупленный кафель, жестяные тазы, дребезжащие краны. Мрачно, как в тюрьме. В парной повеселее: там всё деревянное, и тётеньки хлебуют друг друга вениками. Особенно красивы мгачинки к осени: загорелые как негрityнки, и белые в местах, где был купальник. Смешно! Тётенькам нисколько не зазорно брать с собой мальчиков лет до шести. Мыться принято раз в неделю. Иногда я и мамка бегали ополоснуться через дорогу на электростанцию. Там помывочная выглядела ещё хуже. А шахтёры принимали душ в шахтовом комбинате.

Ну, раз детей с собой брать не зазорно, как-то взял меня (трёхлетнюю) папка с собой в баню. Назад привёл обиженный, кинул матери и сказал:

– Ты вот «это» мне больше с собой не давай!

– Вань, а шо так?

– А вот у «этого» и спроси.

«Это», конечно, молчало. Но в ходе допроса самого Ивана Вавиловича пыточно-подручными средствами моей матери, выяснилось, что в бане «это» выпучило полный ужаса взгляд на причинные места мужиков, и не сводило его до самого конца мытья. И тут Валентина поняла свою ошибку: она ж уже приучила «это» к женской бане, и «это» точно знало как должен выглядеть человек вообще и в принципе.

Бабка шла, шла, шла

Вот оно море, рукой подать. Эти три толстые тётеньки (моя мама и её подружки) живут у Татарского пролива, но о ужас, они не могут плавать. Больно на них смотреть, зайдут по пояс в воду, возьмутся за руки и твердят:

– Бабка шла, шла, шла, пирожок нашла, села, поела, опять пошла!

На словах «села, поела» они присаживаются в воду и быстро встают. И так три раза. Всё, купались, идут на берег загорать. А их мужья (три поджарых, сильных парня) берут своих чад на руки и учат плавать. Ну или на надувной матрас положат рядом с собой и плывут. Мой батя как-то раз умудрился взять с собой в плаванье сразу трёх трёхлетних детей: меня, Ирку Бурганову и Толика Каргаполова. И всех троих утопить. Ну скользкие мы, соскальзываем всё время. Я тону, а вода вокруг зелёная-зелёная, красивая-красивая! Толик рядом тонет. Ирку не вижу. Отец, видимо, позвал на помощь дядю Колю и дядю Илью. Потому что сперва меня вытащил папка, а когда я занырнула во второй раз, то уже Коля Каргаполов. В общем, спасли всех! Тятю отругали и пошли загорать дальше. Так мы и росли. А вы как думали? Всё очень жёстко, на выживание. А вы купайтесь, купайтесь, как до Чёрного моря доедите, ну иль до Средиземного:

– Бабка шла, шла, шла, пирожок нашла, села, поела, опять пошла!

Сахалин – вторые Сочи

Идём с матерью в поликлинику на прививку. А я услышала где-то припевку и горланю на всю дорогу: «Ростов-на-Дону, Саратов на Волге. Я тебя не догоню, у тебя ноги долги!»

Мамка рада, дочь певучая растёт. Заходим в поликлинику, занимаем очередь, ждём. А больничка у нас одна: там и дети, и взрослые – все в одни кабинеты сидят. Ну не болтаться же мне без дела, пока ждём. Я запела, да громко так: «Ростов-на-Дону, Саратов на Волге. Я тебя не догоню, у тебя ноги долги!»

Мать занервничала, попыталась заткнуть дитятке рот. А я всё громче: «Ростов-на-Дону, Саратов на Волге. Я тебя не догоню, у тебя ноги долги!»

Деды зашушукались:

– Вот чё болезная ревёт, можа, у ей токсикоз?

– Варикоз! – вытянули бабки свои больные ноги.

А мужичок на костылях пшикнул на моё нездоровое пение, да и говорит:

– Заткнись, девка! Не так петь надо, вот послухай, послухай, – и жалобно затянул:

Сахалин – вторые Сочи,
солнце греет, но не очень,
у нас горы-перегоры,
у нас лес – чёрт залез,
а кругом одна вода,
да, да, да, да, да!

Деды и бабки одобрительно закивали:

– Да, да, внуца, иди учи энту песню. Она на наши уши привычнее.

Свиристелка

Ах ты, Инна, Инна, Инна, донька свиристелка, у тебя под носом маленька капелка. А кого ты любишь, Инна?

«Папу, маму, лето, зиму. А ещё люблю блины, кошку Маньку. Комары надоели шибко мне! У нас колодец есть, на дне тина, глина, грязь. Мне говорят: туда не лезь! Я и не полезла, там неинтересно. Мне интересен огород, там кузнечище живёт зелёный и огромный, к летячке неподъёмный, только прыг да скок. А однажды на порог принесла кошка его, кузнечищу одного и знаете, сожрала! Чего ей не хватало? Молоко есть, мясо, суп. Жри и ешь, свой нос не суй в наш семейный огород! Не семья же кошка. Вот.»

Ах ты, Инна, Инна, Инна, мелка свиристелка, у тебя на личике маленька сопелка! Ты поешь, попей, поспи. И иди, иди, иди в свой любимый огород, там царь Горох в кустах живёт, съешь его противного, очень агрессивного! А как вырастешь большая, то, наверное, поймешь: каждый жрёт то, что живёт. Вот.

Демонстрации

Демонстрации оставили яркое впечатление в мои 3—4 года. Именно в этот короткий период времени батянька может посадить дитя на плечи и идти с ним по улице сколь угодно долго, в надежде, что отпрыск уже приучен к туалету и не обсикает его тёплую, широкую спину. Ну извиняйте, памперсы придумали позже.

1 Мая (праздник всех трудящихся), 9 Мая (день Победы), 7 Ноября (день рождения Октябрьской революции) и день Шахтёра – вот самые главные праздники, которые подразумевали колонное шествие. Радостно ликующая толпа со стягами и транспарантами выдвигалась с самого Востока, от шахтового комбината и медленно шла к поселковому совету, постепенно вбирая в себя всё новые и новые людские тела, стекающиеся со всех дворов. Семья Зубковых тоже выдвигала своих представителей во всеобщего шевелящегося монстра – Ивана Вавиловича и дочку Инночку. А происходило это так: празднично экипированный Иван нервно курил во дворе, выглядывая на дороге родную колонну, бурлящую шахтёрами и детворой, а Валентина Николаевна готовила к празднику дочку, гладила флажок и связывала в узелок воздушные шары, которые предварительно надул её муж. Когда тёмное пятно колонны начинало мелькать, Иван мчался в дом за ребёнком. Дитя водружали на горбушку отца, и они вливались в кумачово улыбающуюся массу. От шахты до поссовета 5 километров. Наш дом как раз посередине. Так что 2,5 километра папка пёр меня на себе, а потом ещё час-другой топтался на месте, пока шли митинг с концертом. Я гордо восседала на своём «коне-тяжеловозе» и махала флажком таким же молодым наездникам, как и я. «Мгновения всеобщей солидарности безыдейных идей растаптывали личность и ещё много чего гнули и ломали,» – сказали бы современные писатели. Но я не современный писатель, я со слезами на глазах вспоминаю то безвозвратно ушедшее время. Самое счастливое время на свете для отдельно взятого человечка, маленького такого, не вовремя хотящего пи-пи, а-а и пирожка от румяной уличной продавщицы.

– Пап, а эти дядьки ещё долго будут орать в ту штуку?

– В рупор, рыбка. Подожди, шас Николай Каргаполов начнёт выступать. Видишь, вон он стоит посреди шахтовой администрации.

– А ты тоже будешь так орать?

– Не, я не буду. Дядя Коля – бригадир, ему и рупор в рот. А я – нет.

– А кто ты?

– Я? Богатырь! Не видишь что ли?

– Вижу. А кто такой богатырь?

– Это тот, кто и ухом не поведёт, даже если Инна Ивановна на него накакает.

– Я уже большая.

– Ой ли? Ну тогда слезай, а то у богатыря сейчас горб отвалится.

Внизу стоять скучно, и через пять минут я снова сижу на могучей шее и тереблю родную рыжую голову. А вокруг:

– Ура! Ура! Ура!

И дядя Коля в президиуме. Хорошо! Светло как-то. Жить хочется.

Свинка

При вирусном эпидемическом паротите слюнные железы опухают, из-за чего щёки и шея отекают, лицо становится похожим на откормленную чушку, поэтому болезнь называют свинкой. И вот я ей заболела, в садик не хожу, сижу дома на ворсистом ковре и играю с игрушками. Заходит отец:

– А что тут делает моя свинка-сахалинка?

Надуваю губы, очень неуютно чувствовать себя свиньёй. Смотрю на своё тело, а оно розовое, перевожу взгляд на руки, а вместо кистей копыта. Тут же впадаю в депрессию. В комнату залетает мать с половником, деловито трогает мой лоб рукой:

– Ну как себя чувствует моя свинка-сахалинка?

Чувствую, что у меня сзади отрастает лысый крючковатый хвостик. И уже не хочу играть, а иду, ложусь на диван, натягиваю на себя плед. Но задремать не удаётся, шумно, бойко в наш дом врываются гости – Каргаполовы:

– Приветик, свинка-сахалинка, ну каково это болеть не болея?

Тётя Нина медсестра, она знает, что в большинстве случаев паротит протекает бессимптомно. Я вся в слезах:

– Не хочу быть свиньёй, они меня скоро в сарай к хряку Борьке подсадят, – киваю на родителей.

Дядя Коля удивлённо поднял на моего отца свои шахтово-производственные брови, взял сына на руки и посадил на диван рядом с болезненной:

– Ты, сват, это, не дури! Есть для вашей свиньи хряк – наш Толянчик.

Теперь оба ребёнка заревели. Толик в этот момент тоже болел свинкой и натерпелся уже всякого. Но взрослым не до тонкоранимых душ отпрысков, они организовывали застолье и напевали русскую народную песню:

«Намедни я на танцы отпросилась,
а дед Егор покрасил свой забор,
вчера у нас свинья опоросилась,
а мы с тобой в разлуке до сих пор.»

Зайкин хлеб и чага

Отец любил шастать по лесу! Но когда он шлялся там один, без мамы, без меня, то бог его карал: не давал ни ягод, ни грибов. Так и возвращался наш Ванечка с полупустой корзинкой, а в ней всего лишь несколько чёрных булыжников. Так он ещё и радовался, как дурачок:

– Смотри, Валь, сколько я на этот раз берёзовой чаги приволок! Ставь самовар, будем чай гонять.

Самовар у нас электрический, пять минут и нагрелся. Отец откалывает от жутких камней кусочки и кидает их в заварник, а потом ещё и пьёт эту жуть. Вкусно ему, видите ли! Не взял ребёнка в лес, хохочет теперь. Ну хохочи!

Видя моё недовольство, отец достаёт из корзины остатки своего тормозка: пару кусочков хлеба и две-три конфетки.

– На, дочь, это тебе зайка передал!

– Зайка?

– Зайка, зайка, самый что ни на есть настоящий!

– А откуда он про меня знает?

– Так я же по кусточкам шнырял, он меня и заприметил. «Садись, – говорит. – Поговорим!» Ну и поговорили. Я ему рассказал, какая у меня растёт дочка послушная и работающая.

– Таки и работающая? – недоверчиво переспрашиваю я.

– Ну да. Зайке это понравилось, он поскакал и принёс тебе хлебца да конфеток.

Зайкин хлеб я съела, как манну небесную, запила сладкой чагой:

– Пап, а что такое чага?

– Если берёзка болеет, то на ней поселяется трутовый гриб. Он разрастается и губит деревце окончательно. Вот он!

Батя весело машет чагой перед моим носом. Я выплёвываю чай:

– Плохой гриб, плохой!

С этих пор отец всегда приносил мне из леса зайкины гостинцы. А бог, не смотря на это, продолжал его наказывать, подкладывая в корзинку чёрные угольки вместо грибов и ягод.

Летняя кухня – теремок

– Терем, терем, теремок, он ни низок, ни высок! – читает мне на ночь сказку мамка.

Ну как читает? Наизусть рассказывает, у неё за долгие годы работы в детских яслях, поди уж и мозоль на языке от этой байки.

– Мам, а я знаю где теремок стоит.

– Где?

– Это наша летняя кухня!

А летняя кухня у Зубковых – это прямо такой домик, домик, домик! Квадратный, из лёгких досочек срублен, с наклонной крышей, большие окна со всех сторон, а внутри печка-каменка, железная кровать, два стола и блестящий электрический самовар со смешным носи-ком, и с фигурным ключиком на нём.

Поправив подушку поудобнее, продолжаю:

– А когда мы засыпаем, в наш теремок приходят медведи, лисы, волки...

– На Сахалине нет волков.

– Ну зайчики там всякие. А потом они садятся пить чай из самовара, достают из буфета варенье, конфеты... В общем, всё выпивают, всё съедают и уходят жить в лес. Да, мамочка, вот так, – я загадочно ей киваю.

Мать хмыкает:

– Так вот оно что! Ни воды сутра, ни припасов. Вань, надо замок амбарный на летнюю кухню повесить, чтоб медведи по ночам у нас не жрали.

Отец, лежащий на другом диване, поперхнулся, закашлялся, отвернулся и забурчал:

– Припасов ей жалко, родному мужу сладенького пожалела. Да пошли вы обе!

Но «обе» его не слышали, а заучивали наизусть:

– Это что за теремок? Он ни низок, ни высок. Кто-кто-кто в теремочке живет? Кто-кто-кто в невысоком живет?

Отец покосился на нас и пропыхтел:

– Жади́на-говя́дина, соленый огурец, по полу валяется, никто его не ест, а муха приле-тела, понюхала и съела.

Валентина Николаевна удивлённо обернулась и выдала такую фразу:

– Так ты и не муха вовсе, а саранча поганая!

– Мам, а кто такой саранча?

– Это тот кто всё сжирает на своём пути – отец твой, в общем.

– Саранча! – кричу я весело Ивану Вавиловичу. – А давай на летней кухне много-много лавочек поставим. Чтоб все-все лесные звери по ночам в нашем теремочке собирались и чай гоняли.

Мать со злой гримасой отвернулась от меня:

– Знаешь что! Кормилица ты наша, вставай и иди ищи себе другую кухарку. А мне и саранчи по горло хватит.

Детский автомобиль

Подарили мне детский педальный автомобиль Москвич, но не новый, а с довольно-таки с большим пробегом. Ну ничего! Села я в своё авто и рассекаю по двору. Но рассекать просто так скучно, надо же ездить со смыслом. Поворачиваю к деду во двор. Но туда проехать проблематично, тропинка узкая. Пыхчу, жму на педали!

– Дочь, ты куда? – кричит Валентина Николаевна, оторвав голову от своих тюльпанов.

– Деда давить!

– За что?

– А чтоб громко не пердел и ни хихикал при этом, как дурак!

– Ну, ну, – мать одобрительно закивала.

Еду, ползу, застряла. Ремонтирую драндулет, встав кверху задом. Из забора высовывается дед:

– Ты куда это, засранка, направилась?

– Тебя давить, чтобы ты громко не пердел и ни хихикал!

Дед опешил. А я совсем распоясалась:

– Не бойсь, я тебя быстро задавлю и пукнуть не успеешь!

Дед ехидно посмотрел калитку, запертую на защёлку:

– И што, я тебе ещё и ворота должен открыть?

Я киваю. Дед показывает мне кукиш:

– А вот это видишь? Ничего я тебе не должен.

Я в отчаянье дергаю ворота:

– Да ты, да ты! Да ты всему государству, знаешь, сколько должен? За то что на войну не ходил!

– Чего? – поперхнулся старый хрыч. – Да я для фронта картошку выращивал!

Но потом смягчился и почти ласково спросил:

– А кто это тебе такое сказал?

– Дядя Коля.

– Каргаполов что ли?

– Нет, сын твой старшенький, любимый!

Вавила посерел, побледнел, вырывал хворостину, подпирающую крыжовник, и понесся к дому сына Николая:

– Вот я тебе устрою РотФронт, засранец! Вот я те устрою сплетни на всё село! Надо было тебя тада ещё прибить, када ты мальцом был, в детстве!

А я пожимаю плечами, сажусь в отремонтированный Москвич и въезжаю в распахнутую калитку:

– Делать нечего, поеду бабу Пашу давить.

«За что? – хотел было спросить голос с неба, но промолчал. – Что с него, с ребёнка возьмёшь?»

Золотая рыбка

Тяťка постоянно что-то ремонтирует, пилит, строгаёт, а я либо смотрю, либо помогаю: где досточку подержу, а где и гвоздик подам. Но самое главное богатство в его столярной мастерской – это ни стена с развешанными на ней инструментами, а уголок рыбака-любителя. Там хранятся удочки, а в столе с выдвижными ящичками – наживки на крючки: бусинки, блёстки, блесна, пёрышки... Ну всё то, что и рыбку к крючку приманит, и грузилом послужит. Иван Вавилович у нас, как ворона, если у кого бусы рассыпались, то хватить их себе, и токо их и видели! А копошиться в его воровском богатстве нельзя – крючки острые, больно в пальчики впиваются. Осторожненько спрашиваю:

– Пап, а как рыбка на них ловится?

– Она бусинку ртом ам и все, поймалась.

Я тоже делаю ам и поймалась: в моей губе застрял крючок. Стою, реву!

Батя приволакивает меня к матери:

– Валь, ну дура она, нет?

Я реву. В губе торчит красивая бусинка. Мать узнаёт свой скатный жемчуг, краснеет, бледнеет, и начинает орать на мужа. Я реву. Но родителям не до меня: мать бьёт отца тряпкой, потом скалкой, а потом ещё и сковородкой. Я продолжаю упорно реветь.

Но тут сама судьба сжалилась над малышкой: к нам в гости зарулили Каргаполовы. А тётя Нина работает медсестрой. Она сразу же побежала к нашей аптечке и аккуратно вытащила крючок из моей губы. Крови, конечно, было много, но ранка затянулась быстро.

Зато с этих пор у меня появилась новая кличка: ни какой-то там «Пуп земли», а «Золотая рыбка». Вот так!

Зимняя рыбалка – лялечек не жалко

Как только мне исполнилось пять лет, отец стал брать дочь с собой на рыбалку. Зрелище конечно ещё то! Валенки, шуба, меховая шапка – круглый неуклюжий клубок сначала едет на санках, а потом перекатывается от лунки к лунке, заглядывает внутрь и спрашивает:

– А что там, пи-пи?

– Пи-пи, пи-пи, – хихикают мужики и дёргают жирную навагу одну за другой, одну за другой.

А ребёнок возмущается, когда его сажают пи-пи не в лунку, а на снег. Но годы катятся намного быстрее, чем малыш по льду. Хотя с точки зрения малыша – всё как раз наоборот. Но это лишь точка зрения малыша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.